

Игорь БЕХТЕРЕВ
(1948 — 2020)

СВЕТ ПОСЛЕДНИХ ДНЕЙ

ЗВЕЗДА

Скоро ль звезда моя канет
 во тьму,
Скоро ли жар свой остудит?...
Впрочем, мне этого знать
 ни к чему:
Рано ли, поздно ли — будет.

Будет!
Сорвётся!
Вовек не сдержатъ!
Словно бы с кручи отвесной...
И бесполезно отсрочки желать,
И умолять бесполезно.

Да и не стоит, не надо, зачем?
Чтоб она снова повисла
Над горизонтом в пустынях
 ночей
Без состраданья и смысла?

Нет, не хочу я отсрочки
 просить!
Только вот странно, ей-богу:
Жил я, как будто готовился
 жить,
Словно лишь завтра в дорогу...

Ладно, что будет, то будет, —
 чудес
Сердце ждало, но устало...
Лишь бы она, оборвавшись
 с небес,
Ни на кого не упала.

ОДУВАНЧИК

Городской подснежник,
 одуванчик,
Нищенская роскошь пустырей...
Верил я когда-то, что обманчив
Блеск опальной прелести твоей.

Верил я в твою дурную славу —
О тебе, о лютом сорняке...
Как мы скоры были на расправу,
Мир держать хотели в кулаке!

Били всех — налево и направо,
Будто в мире только мы одни
Правы, и на жизнь имеем право
Только мы, и никогда — они...

В этом-то, пожалуй, всё и дело,
Вот за то и втапывали в грязь,

Что хотел ты жить, как мать
велела,
Жить, у человека не спросясь.

Мать-природа... По её законам,
Что навек начертаны в крови,
Со слезами, кровью или стоном,
Можешь иль не можешь,
но живи!

Вот живём: в оврагах,
у заборов —
Там, где холод,
сырость,
скудный свет...
Как земля прекрасна, на которой
Нам с тобою места больше нет.

Бывает так: ничтожная
причина,
Безделица, нелепица, пустык —
И взорван мир, и сорвана
личина,
И всё вокруг — сплошной
обман и мрак.

И застыт мир кумиры и химеры,
И в рост встаёт и торжествует
хам,
И нет в душе ни компаса,
ни веры,
И веры нет ни сердцу, ни очам.
Но — бурка плещет за спиной
Чапая!
Но — ярость жжёт, чапаевской
под стать!...
И пусть как жить на свете,
я не знаю,
Но знаю я, как надо умирать...

СТЕНОКАРДИЯ

В сердце боль поселилась
скворчком —
Беспокойный жилец!
То взвосьётся, забьётся спросонок,
То замрёт, как свинец.

И боюсь я его, и лелею:
Ведь не ведает сам,
Что себе на погибель взрослеет —
Не по дням, по ночам...

Всё равно возмужает, конечно,
Позабудет приют и родство,
Станет мал ему старый
скворечник —
И ничто не удержит его!

СТАРЫЙ ОРЕНБУРГ

Улицы Буранные, Степные,
Мёрзлый визг калиток и ворот...
Сами-то названья ледяные,
А уж в зимы — оторопь берёт!
Вот идёшь — бежишь,
вернее, — кроет
Буря мглою! Не видать ни зги!
Шаг шагнул — и землю носом
роешь,
Ладно хоть не вышибло мозги.
Улицы... Углы, сараи, бани,
Из колючих проволок плетни,
Кучи всякой мерзости и дряни,
Норы, горы, ямы, дыры, пни.
Но зато как сладко, тонко,
нежно
Пахло дымом, ужином, жильём,
Как лучились ставни в тьме
кромешной,
Как манили счастьем и теплом!...

Входишь в примороженные сени,
Кашляешь, сморкаешься,

хрипишь —

И, в углу нашарив старый веник,
По пальто и валенкам стучишь.
И пока гремишь ты, оживая,
Приводя себя в достойный вид,
Тонкая, любимая, сквозная
Приоткроеет дверь и в щель

глядит.

А за нею, сквозь её девичество,
Свет такой... ну, несказанный
свет!

Нет уже такого электричества,
Да и улиц этих тоже нет.

Небо, золото, Россия,
Свет последних дней.
Можно быть тебя красивей,
Но нельзя — нежней.

Невозможна ты иная,
Быть иной нельзя,
Если всё, что умирает,
Смотрит вам в глаза.
Это больше нас и выше.
Но когда с тобой —
Легче быть добрей и чище,
Чем самим собой.

Может, в самом деле правда,
Может быть, враньё...
Все мы верим осторожно
В инобытиё,
В то, что снова повторимся
В облике ином:
Кто-то ветром, кто-то птицей,
Кто-то ручейком...
Правда ль это, ложь ли это,
Нам — одна беда:
Может, врозь и повторимся,
Вместе — никогда.

Мне уже не страшно
и не холодно —
Всё прошло, и жизнь прошла,
и смерть.
Над землёй, над выстуженным
городом
Я плыву сквозь облачную
твердь.
Подо мной пустые наши здания,
Пепел наш, но память не болит...
Крутятся колёса Мироздания,
И сквозит Вселенная, сквозит
Всё быстрее, безжалостнее,
бешеней —
Так что свет перерастает в гул...
Это ли бессмертье нам обещано?
Господи, и ты нас обманул.

Редакционный общественный Совет журнала «Гостиный Дворъ» со скорбью извещает о безвременной кончине Игоря Александровича Бехтерева — русского поэта, члена Союза писателей России, основателя и первого редактора альманаха «Гостиный Двор» (1995-2007), положившего достойное начало нашему журналу. Литературные заслуги Игоря Александровича Бехтерева отмечены Всероссийской Пушкинской литературной премией «Капитанская дочка», губернаторской премией «Оренбургская лира», Международной Шолоховской премией «Они сражались за Родину». Выражаем глубокое соболезнование родным и близким покойного, всегда будем помнить и хранить благие традиции, заложенные им в основание журнала.